

УДК 327(47+57)"193/194"

DOI: 10.30914/2411-3522-2022-8-4-397-406

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ УСИЛИЯ СССР ПО СОЗДАНИЮ СИСТЕМЫ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В 30–40-х ГОДАХ XX ВЕКА

Е. В. Суслов

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация

Аннотация. Автором статьи предпринимается попытка постижения феномена коллективной безопасности, выступавшей базовым элементом большинства мирных договоров, обеспечивавших в течение продолжительного времени относительно устойчивый европейский миропорядок. Кроме того, автора занимают причины и предпосылки обращения руководства СССР к принципу коллективной безопасности в новых исторических условиях приобретения субъектности в международной политике 30–40-х годов XX столетия. Автор статьи реинтерпретирует причины распада Версальского миропорядка и неудачи в создании системы коллективной безопасности. В качестве методологического «ключа» в работе используется принцип историзма, в котором существенным являются сходство, повторяемость, а повторяющееся и индивидуально-неповторимое находятся в реальной истории в неразрывной связи и единстве. Эволюция мирных договоров, обеспечивавших определенный миропорядок в течение нескольких веков, говорит в пользу неразрывной связи повторяющегося и индивидуально-неповторимого. В работе доказывается, что «дилемма безопасности», зафиксированная в квазианархическом мире, стала перманентным компонентом и современных межгосударственных отношений, когда высокая степень безопасности одного государства становится угрозой безопасности остальных. В результате изучения автором предыстории и процесса принятия Версальского договора, который закрепил базовые положения системы коллективной безопасности, но разделил Европу на страны-победители и побежденные, сделан вывод о том, что договор имел провальный финал. К таким же итогам привел и систему коллективной безопасности. Автор отмечает, что ответственность за функционирование коллективной безопасности в Европе возлагалась на великие державы, однако этот порядок не был институционализирован, т. е. не имел реальных механизмов ее воплощения. По мнению автора, эффективным субъектом реализации системы коллективной безопасности могло стать силовое сдерживание германской военщины с участием СССР и Франции, однако инициатива Москвы, адресованная лидерам Великобритании и Франции, внятного ответа не имела, и предпочтение курсу на «умиротворение агрессора» не остановило Германию от продолжения политики аннексии чужих территорий.

Ключевые слова: потребность в безопасности, баланс сил, «Европейский концерт», дилемма безопасности, Первая мировая война, Версальский договор, доктрина мировой революции, «умиротворение агрессора»

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Суслов Е. В. Внешнеполитические усилия СССР по созданию системы коллективной безопасности в 30–40-х годах XX века // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2022. Т. 8. № 4. С. 397–406. DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2022-8-4-397-406>

FOREIGN POLICY EFFORTS OF THE USSR TO CREATE A COLLECTIVE SECURITY SYSTEM IN THE 1930s–1940s

E. V. Suslov

Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation

Abstract. The author of the article attempts to comprehend the nature and meaning of the phenomenon of collective security, which was the basic element of most peace treaties that ensured a relatively stable European world order for a relatively long time. In addition, the author is interested in the reasons and prerequisites for the USSR leadership's appeal to the principle of collective security in the new historical conditions of the acquisition of subjectivity in international politics of the 30–40s of the twentieth century. The author of the article reinterprets the reasons of the collapse of the Versailles world order and the failure to create a collective security system. As a methodological "key", the work uses the principle of historicism, in which similarity and

repeatability are essential, and the repetitive and individually unique are inextricably linked and united in real history. The evolution of peace treaties that ensured a certain world order for several centuries speaks in favor of the inextricable connection of the repetitive and the individually unique. The general theory of systems, to which the author refers, made it possible to identify consistency and, consequently, functional integrity or its absence in international treaties. The paper proves that the “security dilemma” fixed in the quasi-anarchist world has become a permanent component of modern interstate relations, when a high degree of security of one state becomes a threat to the security of others. As a result of the author’s study of the background and the process of adopting the Versailles Treaty, which consolidated the basic provisions of the collective security system, but divided Europe into victorious and defeated countries, it was concluded that the treaty had a disastrous ending. This has led the collective security system to the same results. The author notes that the main responsibility for the functioning of collective security in Europe was assigned to the great powers, however, this order was not institutionalized, that is it had no real mechanisms for its implementation. According to the author, the forceful deterrence of the German military with the participation of the USSR and France could become an effective subject of the implementation of the collective security system, however, Moscow’s initiative addressed to the leaders of Great Britain and France did not have a clear answer, and the preference for the course of “appeasement of the aggressor” did not stop Germany from continuing the policy of annexation of foreign territories.

Keywords: need for security, balance of power, “European Concert”, security dilemma, the First World War, Versailles Treaty, world revolution doctrine, “appeasement of the aggressor”

The author declares no conflict of interest.

For citation: *Suslov E. V.* Foreign policy efforts of the USSR to create a collective security system in the 1930s–1940s. *Vestnik of the Mari State University. Chapter “History. Law”*, 2022, vol. 8, no. 4, pp. 397–406. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2022-8-4-397-406>

Введение

Идея коллективной безопасности не нова. Не было такого периода в истории, чтобы народы и страны мира, объединенные стремлением выжить и самосохраниться, не искали бы возможности оградить себя от внешних опасностей, достигнув для этого договоренности о совместных действиях. Именно «стремление к безопасности явилось одной из побудительных причин объединения древних людей в общество. Интенсивность и масштабы этой потребности постоянно росли: безопасность с зарождения цивилизации выступала главнейшей целью деятельности отдельных индивидуумов, а в последующем – всего общества и государства»¹.

Вновь образовавшаяся советская республика не могла не прибегнуть к этому испытанному механизму обеспечения собственной безопасности в один из наиболее сложных периодов своей истории, исходя из того, что «коллективная безопасность включает систему мер, направленных на оказание коллективного отпора агрессии и

коллективной помощи, в т. ч. военной, ее жертве»². Во всех этих мерах защиты собственного суверенитета и независимости СССР в первые десятилетия своего существования остро нуждалась.

Понятие «коллективная безопасность» «вошло в обиход не ранее начала 1930-х гг. однако его основные элементы рассматривались как крайне необходимые уже в 1919 году. Идея коллективной безопасности постулировала императив недопущения войны как таковой; насилие утрачивало легитимность в качестве средства международной политики; на смену двусторонним договорам, поддерживавшим баланс сил, приходил многосторонний механизм купирования агрессии; принцип открытой дипломатии заменял практику заключения секретных соглашений» [1].

Само понятие «безопасность» восходит к XI веку, к периоду расцвета Киевской Руси, когда начинается использование древнерусского слова «опась» (церковно-славянское «опаснь»), опасение, обозначающее не что иное, как

¹ Общая теория национальной безопасности: учеб. / под общ. ред. А. А. Прохожева. Изд. 2-е, доп. М. : Изд-во РАГС, 2005. С. 16.

² Советская военная энциклопедия / пред. гл. ред. комиссии Н. В. Огарков. М. : Воениздат. Т. 4. «К-22» – Линейный, 1977. 656 с.

внимательность, осторожность, тревогу в предвидении какой-либо неприятности» [7, с. 32]. Еще нет императива о необходимости противостоять опасности, вернее, понимание такой необходимости есть, но пока нет слова, обозначающего это состояние: «В XIII–XIV вв., даже в XV в. слово «безопасный» еще не встречается в русском лексиконе»¹. Переживаемая эпоха для Руси XIII века была глубоко трагична, и «русские люди, современники татарского нашествия, с горечью говорили о «погибели Русской земли». И действительно, все происшедшее стало полной гибелью Киевского государства и общества, однако сложившийся за 250 лет его существования славяно-русский народ не погиб, судьбы его драматически разделились за четверть тысячелетия татарского ига (1240–1480) [3, с. 26]. Можно не сомневаться, это произошло благодаря тому, что народ осознал крайнюю необходимость обращения к коллективной безопасности как к такому положению отношений в межгосударственных отношениях, когда исключается возможность начала военных действий по захвату территории одного государства другим.

Если окинуть историю международных отношений придирчивым взглядом, то приходишь к убеждению, что признак коллективной безопасности присутствует уже в механизме Вестфальского миропорядка, заложенного в 1648 году. Зарождению новой системы международных отношений способствовало появление понятия «баланс сил» на рубеже XV–XVI вв., «когда Н. Макиавелли сформулировал гипотезу, превратившуюся позднее в аксиому: устойчивый миропорядок может сохраняться только при относительном равенстве сил ведущих государств или союзов государств и недопущении чрезмерного усиления одного из них»². В данном случае предполагалось, что коллективная безопасность возможна при условии, что ни одно государство не будет стремиться к чрезмерному обеспечению своей безопасности, поскольку «баланс сил» признавался «естественным регулятором конкурентных международных отношений в многополярной иерархической среде» [9, с. 25], что привело «к кодексу международного права, которым

устанавливались принципы взаимного признания, невмешательства и толерантности» [9, с. 25].

Пришедший на смену Вестфалю постнаполеоновский «Концерт великих держав» (1815–1914) стал достаточно прочной конструкцией системы коллективной безопасности того времени, основанной «на новых нормах, культурных практиках, соглашениях и институциональных механизмах, таких как многосторонние договоры, система регулярных встреч на уровне правящих монархов, совещания министров иностранных дел и послов, а также Венский дипломатический протокол, снизивший число конфликтов по вопросам ранга и престижа, которые возникали внутри дипломатического корпуса» [5, с. 10–11]. Относительный успех функционирования «Европейского концерта» прежде всего достигался появлением правовых установлений в виде гарантий, «обеспечиваемых участниками собственного мирного существования, территориальной целостности и признания жизненно важных интересов друг друга» [5, с. 11]. Принципиально новым для зарождающейся системы коллективной безопасности в Европе было то, что «все участники взяли на себя обязательства не стремиться изменить установленный статус-кво силовым путем и воздерживаться от вмешательства во внутренние дела других государств – членов ... государства пришли к соглашению о применении практики коллективных консультаций для разрешения кризисов» [5, с. 13].

Постоянным спутником межгосударственных отношений в квазианархическом мире стала «дилемма безопасности», оказавшаяся возможной, когда на политической арене возникал более сильный актор и другие страны начинали активно действовать против «лидера». При складывающейся конфигурации международных отношений высокая степень безопасности одного государства становилась угрозой безопасности остальных.

Тектонические изменения, произошедшие к концу почти векового относительно стабильного европейского порядка, по результатам Первой мировой войны оказались реформированными настолько радикально, что помышлять о коллективной безопасности стало невозможно. С большой натяжкой о ее присутствии можно говорить, лишь имея в виду создание еще до начала Первой мировой войны Тройственного союза – Англии, России и Франции – «Антанты»

¹ Воробьев Ю. Л. Основы формирования безопасности жизнедеятельности населения. М. : Деловой экспресс, 2006. С. 60–64.

² Основы общей теории международных отношений / под ред. А. С. Манькина. М. : Изд-во МГУ, 2009. 592 с.

(от французского *l'Entente cordiale*, то есть «сердечное согласие»), ставшего возможным как ответ на создание Двойственного союза (военного блока германского императора Вильгельма II и австрийского императора Франца-Иосифа, вознамерившихся изменить сложившийся мировой порядок в свою пользу, который имел откровенно антироссийский характер. Дело в том, что «державы обеих коалиций стремились к изменению сложившегося до войны баланса сил в свою пользу и созданию такой системы международных отношений, в рамках которой были бы решены их важнейшие внешнеполитические задачи и обеспечено полное превосходство над противником»¹.

Версальский мир, подписанный в июне 1919 года странами-победителями в Первой мировой войне, получил самые неутешительные оценки даже со стороны участников Версальской конференции. Провидческие слова о том, что «это не мир. Это перемирие на 20 лет»², были произнесены маршалом Франции Фердинандом Фош. Вождь Русской революции В. И. Ленин тоже оказался близок истине. Спустя год после Версаля, он заявил: «Весь этот международный строй, порядок, который держится Версальским миром, держится на вулкане»³. Однако именно Версальский договор закрепил базовые положения системы коллективной безопасности, но, будучи обреченным на провальный финал, к таким же итогам привел и систему коллективной безопасности. На руинах Первой мировой войны пришлось возводить новый европейский миропорядок, которому историей было отмерено всего два с небольшим десятилетия.

Таким образом, актуальность работы по предлагаемой теме вызвана необходимостью:

во-первых, постижения природы и смысла феномена коллективной безопасности, выступавшей базовым элементом большинства мирных договоров, обеспечивавших в течение нескольких веков относительно устойчивый европейский миропорядок;

¹ Сидоров А. Ю., Клейменова Н. Е. История международных отношений. 1918–1939 гг. М.: Центрполиграф, 2008. 640 с.

² Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука: Санкт-Петербург. изд. фирма, 1993. 477 с.

³ Ленин В. И. Речь на совещании председателей уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов Московской губернии. Полн. собр. соч. Т. 41. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/> (дата обращения: 21.07.202).

во-вторых, выяснения причин и предпосылок обращения руководства СССР к прошедшему испытанию временем принципу коллективной безопасности в новых исторических условиях приобретения субъектности в международной политике 30–40-х годов XX столетия;

в-третьих, определения причины временного сближения Советской России и Германии в эпоху Веймарской республики и последствия этих контактов;

в-четвертых, установления причины распада Версальского миропорядка и неудачи в создании системы коллективной безопасности.

Методы и способы исследования

Теоретико-методологическим основанием предлагаемой работы стали методологический принцип историзма, неоднократно использованный исследователями различных эпох, однако не потерявший актуальности в силу своей научной убедительности. Представление об историчности явлений общественной среды было сформировано еще историками эпохи Античности, которые заметили, что «самым главным, чтобы не сказать исчерпывающим суть исторических событий и общественных форм ... является их сходство, повторяемость. Реальным историческим явлениям и процессам всегда присуще сходное, общее, повторяющееся»⁴. На более высоком интеллектуальном уровне взгляд на принцип историзма предложили ученые Нового времени. Так, по итальянскому философу истории Дж. Вико, «сущность явлений, общественная их природа включает в себя общее, повторяющееся и индивидуальное, неповторимое. Это огромный шаг вперед в становлении историзма»⁵. Нахождение общего не является панацеей поиска исторической истины. Важнее понимание того, что «повторяющееся и индивидуально-неповторимое находятся в реальной истории в неразрывной связи и единстве, общее – сущность явления – всегда существует в его конкретно-исторической и своеобразной форме: место, время события, люди, его совершившие, причины и последствия, ход – все очень конкретно»⁶. Ключевой позицией в историзме Вико является утверждение о том, что «общее

⁴ Смоленский Н. И. Теория и методология истории. 4-е изд. испр. М.: Академия, 2012. 272 с.

⁵ Там же. С. 146.

⁶ Там же. 272 с.

всегда существует в его конкретно-исторической и своеобразной форме». Именно поэтому объект нашего исследования – система коллективной безопасности в 30–40-х годах XX века – вполне укладывается в базовое утверждение Дж. Вико.

Существенным дополнением к концепции историзма Вико являются взгляды на суть исторического видного представителя немецкого Просвещения И. Г. Гердера, в центре внимания которого было индивидуально-неповторимое в событиях и утверждении о том, что «общее в истории существует в форме особенного, индивидуального, неповторимого»¹. И еще Гердер придавал большое значение роли среды, «конкретной исторической ситуации в жизни человека и целого народа. В понятие «среда» он включал прежде всего географический фактор, хотя и не переоценивал его роль, в отличие от Ш. Монтескье»².

Кроме того, «одной из общих линий движения истории»³, по Гердеру, является «направленность к достижению состояния гуманности, высшей цели человеческого развития»⁴. Однако, с некоторой осторожностью разделяя позицию мыслителя, следует заметить о «несовпадении первоначально задуманных целей и результатов человеческой деятельности»⁵.

К нашему общему неудовольствию, история, к сожалению, совершает немислимые зигзаги, перечеркивая гуманистический пафос и действуя по ей одной ведомой логике. И только люди, наделенные разумом, не лишённые эмпатии, управляют ситуацией, направляя ее в необходимое русло. Представляется, что феномен коллективной безопасности есть следствие взвешенных действий разумных людей, облеченных властью и ответственностью за судьбы соотечественников и граждан других стран. Занимая высокое положение, они остро конфликтуют друг с другом и все-таки приходят на время к согласию, чтобы противостоять общей беде. Но как только опасность теряет угрожающий характер, конфликт интересов и потребностей, ценностей и идеологических предпочтений отбрасывает их по разные стороны.

¹ Там же.

² Там же. С. 147.

³ Там же. С. 147.

⁴ Там же. С. 147.

⁵ Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб. : Наука : Санкт-Петербург. изд. фирма, 1993. С. 84.

Исходя из того, что историческое познание всегда обращено к изучению уже произошедшего, случившегося, отдаленного от нашего современника толщей времени, в качестве метода исследования в статье предпочтение отдается ретроспективному методу, поскольку «суть ретроспективного метода заключается в опоре на более высокую ступень развития с целью понимания и оценки предыдущей»⁶. Таким образом, «каждый предыдущий этап можно понять не только благодаря его связи с другими этапами, но и в свете последующей и более высокой стадии развития в целом, в которой наиболее полно выражена суть всего процесса. Это помогает понять и предыдущие этапы»⁷.

И наконец, еще одним методологическим ресурсом, использованным в статье, стал системный подход, к которому часто обращаются исследователи общественно-гуманитарного направления, осознавая продуктивность ее возможностей.

Что же касается нашего предмета исследования – внешнеполитических усилий СССР по созданию системы коллективной безопасности, то следует отметить, что осознание крайней необходимости действий Советского правительства во главе с И. В. Сталиным по созданию коллективной безопасности в межвоенный период происходит лишь постфактум. Это стало возможным потому, что стали известны некоторые до сих пор неизвестные детали той масштабной борьбы за создание системы безопасности по предотвращению маячившей на горизонте Второй мировой войны, которую, по мнению некоторых экспертов, можно было предотвратить. Почти сразу же после подписания Версальского договора стало очевидно, что Германия, потерпевшая поражение в войне, будет главной потенциальной угрозой европейскому миру, однако эту реальность европейские державы постарались не заметить. Озабоченные традиционным сдерживанием внешнеполитических амбиций друг друга.

Между тем, чувство реванша за униженный, несправедливый мир, охватившее немецкое население, стало той питательной средой, который в конечном счете привел к власти А. Гитлера. Через демократические выборы, которые были противопоказаны в условиях

⁶ Смоленский Н. И. Теория и методология истории. 4-е изд. испр. М. : Академия, 2012. 272 с.

⁷ Там же. С. 237.

«скачкообразного роста безработицы и прогрессирующего развала основ демократии в Веймарской Германии»¹. Нужен был лишь изощренный популист и авантюрист, который бы тонко сыграл на струнах истосковавшейся по сильному лидеру и сытой жизни арийской душе.

Заканчивая обзор теоретико-методологических подходов, заметим, что рассматриваемый нами период истории XX века настолько богат событиями и значимыми персоналиями, что с помощью предлагаемых теоретических подходов вскрыть все тайные пружины процессов, связанных с Версальским договором, и, как следствие, попытки создания системы коллективной безопасности чрезвычайно сложно. Как справедливо отметил известный немецкий теоретик международных отношений Бенно Тешке, «не существует всеобщего закона, который объяснял бы международное поведение во все времена, так же, как не существует общей объяснительной теории истории» [9, с. 29–30]. И это открывает определенный простор для реинтерпретации существующих положений, выдвинутых именитыми авторами.

Основные элементы

Первая мировая война, закончившаяся не в пользу России, оставляла мало шансов для нее стать государством, с чьим мнением считались бы европейские государства, признанные победителями на Парижской мирной конференции, поэтому в первое десятилетие своего существования СССР по уровню влияния на внешнеполитические процессы в мире пребывал если не на последних ролях, то однозначно за рамками Версальско-Вашингтонской системы международных отношений.

Более чем удовлетворенное успешным завершением Гражданской войны советское руководство было уверено, что его примеру последуют и другие страны Европы и Азии. Эта уверенность породила идею о возможности мировой революции, успех которой автоматически обеспечивал бы создание искомой системы коллективной безопасности от все еще сохраняющегося капиталистического окружения. Сама же Доктрина мировой революции была продуктом интеллектуальных усилий К. Маркса и Ф. Энгельса,

которые рассматривали социалистическую революцию «как объективную историческую закономерность, единственный способ разрешения внутренних противоречий капитализма и последующего перехода человечества к справедливому и совершенному общественному строю»². Еще в Декрете о мире, который был принят сразу же после победы Октябрьской революции, отмечалось, что «правительство страны победившей революции выражает надежду, что рабочий класс трех крупнейших стран Европы (Англии, Франции и Германии) своей решительной и беззаветно энергичной деятельностью поможет Советской власти довести дело мира до победного конца» [2, с. 7]. В Европе наблюдались приливы и отливы в развитии мировой революции, однако попытки экспорта революции оказались тщетными. Не увенчались успехом ни ноябрьская революция 1918 г. в Германии, ни Венгерская революция в 1919 году. Отсутствие надежды на то, что революционная волна накроет всю Европу, подтолкнуло Москву к смене тактики продвижения мировой революции. Ставка делается на создание «массовых коммунистических партий в различных странах Европы, подготовку классовых выступлений европейского пролетариата, в повестку дня стал вопрос о возможных блоках левых сил» [2, с. 7].

В этих условиях происходит корректировка и самого вектора советской внешней политики. А именно – отказ от лобовых попыток приобретения статуса государства, значимого в международной политике, и переход к роли страны, способной определенным образом приспособиться к существенно изменившейся международной среде.

Говоря языком общей теории систем, у системы есть два сценария развития (выживания), которые связаны с состоянием среды. В нашем случае – международной среды. Ее можно структурировать, т. е. изменять, исходя из интересов системы при наличии соответствующих ресурсов. Второй сценарий предполагает – при отсутствии требуемых ресурсов – адаптацию к среде для сохранения равновесия, а по большому счету целостности, безопасности самой системы от враждебных действий среды. Как отмечает автор известной монографии В. Д. Могилевский, «для

¹ Павлов Н. В. История современной Германии, 1945–2005: курс лекций. М. : Астрель : АСТ, 2006. 510 с.

² Сидоров А. Ю., Клейменова Н. Е. История международных отношений. 1918–1939 гг. М. : Центрполиграф, 2008. С. 83.

построения искусственных систем необходимы специальные меры по трансформации среды, гарантирующие их существование или увеличивающие комфортность функционирования. В том случае, если среда не поддается переустройству, приходится идти на изоляцию строящейся системы от нее» [4, с. 127].

Формой вольной или невольной (вынужденной) изоляции страны Советов стали выдвинутые представителями державного мышления доктрины «мирного сосуществования» большевиков и сталинская теория «социализма в отдельно взятой стране»¹, которые «относились к разряду попыток ослабить внешнеполитическую активность в целях укрепления страны, вышедшей из революции и Гражданской войны»².

Советская Россия остро нуждалась в налаживании экономических отношений с Европой, которая в такого рода связях нуждалась не меньше. Дипломатический прорыв советской России стал возможен в условиях экономической депрессии в Европе. Великобритания и Франция – извечные геополитические соперники, одержав победу на дипломатическом фронте в рамках Версальского мира, не смогли договориться в вопросах о репарациях и долгах, канувших в Лету Германской и Российской империй.

Сближение Москвы и Берлина, что не входило в планы европейских лидеров того времени, началось в рамках Генуэзской конференции, куда были приглашены и страны, признанные побежденными в Первой мировой войне. В том числе Россия и Германия. К этому времени разум начал возобладать над умами европейских политиков, и России удалось заключить экономические договоры с некоторыми европейскими странами, что де-факто приводило к признанию Советского правительства.

Успех ожидал делегацию РСФСР во главе с наркомом иностранных дел Г. В. Чичериным в местечке Раппало, недалеко от Генуи, в промежутках между пленарными заседаниями Генуэзской конференции. Прорыв обеспечила большевистская тактика «игры на межимпериалистических противоречиях» крупнейших европейских стран, и воспользоваться им было делом чести советской делегации. 15 апреля 1922 года договор о

нормализации отношений между Германией и Советской Россией был подписан. В соответствии с этим документом Советская Россия отказывалась от репараций, а Германия – от дореволюционных займов и собственности, конфискованной в России во время войны. Стороны восстанавливали дипломатические отношения, договаривались о взаимной торговле на основе принципа наибольшего благоприятствования. Таким образом, несмотря на то, что для Берлина этот договор в финансовом отношении был более выгоден, чем для России, в Москве договор был признан как первый дипломатический успех страны на международной арене. Кроме того, это был и первый шаг по тернистому пути создания системы коллективной безопасности. С приобретениями и утратами.

Однако наиболее существенной была военная сторона договорных отношений. Германия в тот период находилась в поиске партнеров, исходя из принципа «дружба против общего противника», под которыми однозначно понимались страны-победители в Первой мировой войне, продиктовавшие кабальные условия для стран, признанных побежденными. Главнокомандующий рейхсвером генерал фон Сект в то время писал: «Разрыв Версальского диктата может быть достигнут только тесным контактом с сильной Россией. Нравится нам коммунистическая Россия или нет – не играет никакой роли... Для Германии важно посредством Советской России развязать пути Антанты» [11, р. 147].

Выражаясь житейским языком, к сожительству без любви нашу страну вынудило то, что «она, пребывая в состоянии разрухи и искала опоры для восстановления страны, укрепления своей обороноспособности. Для этого были необходимы военно-техническая модернизация и передовые технологии» [8, с. 119]. Договор о военно-техническом сотрудничестве вполне оправдал себя: «немцы помогли созданию индустрии вооружений. Юнкерс построил авиационный завод в Филях, в Туле были возведены цеха по производству стрелкового оружия. К 1926 г. немцы получили с этих заводов 200 самолетов, из которых 100 было оставлено Красной Армии» [10, с. 142].

Даже если гипотетически представить военное сотрудничество СССР и Германии как попытку создания системы коллективной безопасности, то система явно не складывается, потому что система всегда являет собой феномен целостности, который «выступает родовым признаком системы» [6, с. 57],

¹ Цыганков А. П. Международные отношения: традиции русской политической мысли: учеб. пособ. М : Альфа-М : ИНФРА-М, 2013. С. 128.

² Там же. С. 128.

в свою очередь, «признак целостности отражает особенность не всякого, а определенного целого, такого, где достаточно выражено единство и где обязательно имеются выделенные части, влияющие друг на друга» [6, с. 57].

Приход к власти в Германии в январе 1933 г. главы НСДАП А. Гитлера окончательно развел в разные стороны СССР и Германию, которая, продолжая ревизию Версальского договора, взяла курс на активную антикоммунистическую и антисоветскую пропаганду, позиционируя себя как главного борца с «мировым коммунизмом». Подобная позиция не могла импонировать западным державам, потому что их лидеры делали серьезную ставку на Гитлера в противостоянии с СССР.

Временные попутчики, а затем непримиримые враги, не могли иметь общих целей, не разделяя единые ценности. И только СССР продолжал предпринимать попытки создания системы коллективной безопасности, однако голос первого в мире рабоче-крестьянского государства тонул в море неприятия к ней как к стране, покусившейся на буржуазные ценности и идеалы западного мира.

Именно на великие державы «возлагалась главная ответственность за функционирование коллективной безопасности в Европе, которые при этом наделялись широкими полномочиями по поддержанию международной стабильности вплоть до пересмотра подписанных договоров. Однако этот порядок не был институционализирован и не имел собственной легитимности: ее источником являлась Лига Наций, выступавшая гарантом мира во всем мире и принципа равенства наций» [1]. Считается, что в этом и заключалась «главная слабость системы коллективной безопасности: великие державы продолжали играть преобладающую роль в решении ключевых международных проблем, исходя, прежде всего, из собственных интересов» [9], тогда как дискурс мирового сообщества лежал в плоскости либеральных принципов, продиктованных знаменитыми «Четырнадцатью пунктами» В. Вильсона.

Когда была осознана главная европейская угроза миру в лице фашистской Германии, альтернативой несостоявшейся системе коллективной безопасности могло бы выступить силовое сдерживание германской военной машины с участием СССР и Франции, однако инициатива Москвы, обращенная прежде всего к лидерам Великобри-

тании и Франции, внятного отклика не имела. Напротив, Великобритания отдала предпочтение курсу на «умиротворение агрессора», полагая, что Берлин вполне удовлетворится европейскими территориальными уступками, однако дилемма безопасности явно сыграла злую шутку над наивными европейскими лидерами.

Оставалась Америка, но она была слишком далека географически и продолжала придерживаться доктрины Монро о невмешательстве в европейские дела, поэтому к системе коллективной безопасности относилась индифферентно. И только немецкая агрессия и атака японцев на американскую военно-морскую базу в Перл-Харборе заставили США всерьез взглянуть на европейскую проблему мирового масштаба.

Исходя из логики поведения советского руководства, которое заключалось в приобретении субъектности в международной политике того времени, курс на создание системы коллективной безопасности был наиболее оптимальным. И во многом не ее вина, что система коллективной безопасности на историческом витке 30–40-х годов XX столетия не сложилась.

Таким образом, анализ, предпринятый автором в рамках предлагаемой статьи, дает основание для формулирования следующих выводов:

– исследовательский взгляд на историю международных отношений убеждает, что признак коллективной безопасности присутствовал уже в механизме Вестфальского миропорядка, заложенного в 1648 году;

– созданию новой системы международных отношений способствовало появление понятия «баланс сил», когда из гипотезы оно трансформировалось в аксиому, в соответствии с которой устойчивый миропорядок сохраняется только при относительном равенстве сил ведущих государств или союзов государств и недопущении чрезмерного усиления одного из них;

– «дилемма безопасности», зафиксированная в квазианархическом мире, стала перманентным компонентом и современных межгосударственных отношений, когда высокая степень безопасности одного государства становится угрозой безопасности остальных;

– Версальский договор закрепил базовые положения системы коллективной безопасности, но, будучи обреченным на провальный финал, к таким же итогам привел и систему коллективной безопасности;

– чувство реванша за унижительный, несправедливый мир, охватившее немецкое население, стало той питательной средой, которая в конечном счете привела через демократические выборы А. Гитлера к власти;

– идея о возможности мировой революции породила у большевиков уверенность, что это автоматически обеспечит создание системы коллективной безопасности от угроз, исходящих от капиталистического окружения;

– главная ответственность за функционирование коллективной безопасности в Европе возла-

галась на великие державы, однако этот порядок не был институционализирован, т. е. не имел реальных механизмов ее воплощения;

– эффективным субъектом реализации системы коллективной безопасности могло стать силовое сдерживание германской военщины с участием СССР и Франции, однако инициатива Москвы, адресованная лидерам Великобритании и Франции, внятного ответа не имела, предпочтение курса на «умиротворение агрессора» не остановило Германию от продолжения политики аннексии чужих территорий.

1. Вершинин А. А. Противоречия модели коллективной безопасности: современная историография об эволюции Версальской системы международных отношений в 1930-е гг. // Вестник МГИМО-Университета. 2020. Т. 15. № 2. С. 108–140. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-2-83-108-140>

2. Европа между миром и войной, 1918–1939 / А. О. Чубарьян, Б. Р. Лопухов, З. С. Белоусова и др., отв. ред. А. О. Чубарьян. Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории. М. : Наука, 1992. 224 с.

3. История России, XX век. Как Россия шла к XX веку: от начала царствования Николая II до конца Гражданской войны (1894–1922) / под ред. А. Б. Зубова. М. : Э, 2018. Т. I. 992 с.

4. Могилевский В. Д. Методология систем: вербальный подход / Отделение экон. РАН; науч.-ред. совет изд-ва «Экономика». М. : Экономика, 1999. 251 с.

5. Никитин А. И. Миропорядок уходящий и грядущий // Мировой порядок – время перемен: сб. ст. / под ред. А. И. Соловьева, О. В. Гаман-Голутвиной. М. : Аспект Пресс, 2019. 375 с.

6. Новосельцев В. И., Тарасов Б. В. Теоретические основы системного анализа / под ред. В. И. Новосельцева. 2-е изд. М. : Майор, 2013. 536 с.

7. Радиков И. В. Безопасность человека: реальность или фикция // Безопасность человека в контексте международной политики: вопросы теории и практики: матер. научного семинара / под ред. П. А. Цыганкова. М. : Издательство Московского университета, 2011. 224 с.

8. Суслов Е. В. Политические конфликты в демократических государствах: монография / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2012. 209 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25644885> (дата обращения: 21.07.202).

9. Тешке Б. Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений / пер. с англ. Д. Кралечкина. Гос. ун-т – Высшая школа экономики. М. : Изд. дом гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. 416 с.

10. Уткин А. И. Подъем и падение Запада. М. : АСТ, 2008. 761 с.

11. Student Kurt. Reichswehr und Rote Armee // Internationale Luftwaffen revue. ½. 1968. P. 167.

Статья поступила в редакцию 13.09.2022; одобрена после рецензирования 18.10.2022; принята к публикации 09.11.2022.

Об авторе

Суслов Евгений Валерьянович

кандидат политических наук, доцент, Марийский государственный университет (424000, Российская Федерация, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1), esuslov@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

1. Vershinin A. A. Protivorechiya modeli kolektivnoi bezopasnosti: sovremennaya istoriografiya ob evolyutsii Versal'skoi sistemy mezhdunarodnykh otnoshenii v 1930-e gg. [Contradictions of collective security model: modern historiography on the evolution of the Versailles system of international relations in the 1930s]. *Vestnik MGIMO – Universiteta* = MGIMO Review of International Relations, 2020, vol. 15, no. 2, pp. 108–140. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-2-83-108-140>

2. Evropa mezhdnu mirom i voinoi, 1918–1939 [Europe between peace and war, 1918-1939], A. O. Chubaryan, B. R. Lopukhov, Z. S. Belousova and others, responsible ed. A. O. Chubaryan. Russian Academy of Sciences, Institute of General History. M., Science Publ., 1992. 224 p. (In Russ.).

3. Istoriya Rossii, XX vek. Kak Rossiya shla k XX veku: ot nachala tsarstvovaniya Nikolaya II do kontsa Grazhdanskoi voiny (1894–1922) [History of Russia, XX century. How Russia went to the twentieth century: from the beginning of the reign of Nicholas II to the end of the Civil War (1894–1922)], ed. by A. B. Zubova. M., E Publ., 2018, vol. 1, 992 p. (In Russ.).

4. Mogilevsky V. D. Metodologiya sistem: verbal'nyi podkhod [Systems methodology: a verbal approach]. Econ. Department of RAS; scientific-ed. board of the publishing house "Economics". M., Economics Publ., 1999, 251 p. (In Russ.).

5. Nikitin A. I. Miroporyadok ukhodyashchii i gryadushchii [World order outgoing and coming]. *Mirovoi poryadok – vremya peremen: sb. st.* = World order – time of changes: collection of articles, edited by A. I. Solovyov, O. V. Gaman-Golutvina. M., Aspect Press Publ., 2019, 375 p. (In Russ.).

6. Novoseltsev V. I., Tarasov B. V. Teoreticheskie osnovy sistemnogo analiza [Theoretical foundations of system analysis], edited by V. I. Novoseltsev, 2nd ed. M., Major Publ., 2013, 536 p. (In Russ.).

7. Radikov I. V. Bezopasnost' cheloveka: real'nost' ili fiktsiya [Human security: reality or fiction]. *Bezopasnost' cheloveka v kontekste mezhdunarodnoi politiki: voprosy teorii i praktiki: mater. nauchnogo seminara* = Human security in the context of international politics: questions of theory and practice: the material of a scientific seminar, edited by P. A. Tsygankov. M., Moscow University Publ. house, 2011, 224 p. (In Russ.).

8. Suslov E. V. Politicheskie konflikty v demokraticeskikh gosudarstvakh: monografiya [Political conflicts in democratic states: monograph]. Mari State University, Yoshkar-Ola, 2012, 209 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25644885> (accessed 21.07.202). (In Russ.).

9. Teschke B. Mif o 1648 gode: klass, geopolitika i sozдание sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenii [The Myth of 1648: class, geopolitics and the making of modern international relations], translated from English by D. Kralachkin. M., Publishing House of the State University – Higher School of Economics, 2011, 416 p. (In Russ.).

10. Utkin A. I. Pod'em i padenie Zapada [The rise and fall of the West]. M., ACT Publ., 2008, 761 p. (In Russ.).

11. Student Kurt. Reichswehr und Rote Armee [Reichswehr and the Red Army]. *Internationale Luftwaffen revue*. ½, 1968, p. 167. (In Germ.).

The article was submitted 13.09.2022; approved after reviewing 18.10.2022; accepted for publication 09.11.2022.

About the author

Evgeniy V. Suslov

Ph. D. (Political Sciences), Associate Professor, Mari State University (1 Lenin Sq., Yoshkar-Ola 424000, Russian Federation), esuslov@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript.